

Ю. О. АЗАРОВА

г. Харьков, ХНУ им. В. Н. Каразина

ЭТИКА КАНТА И ДЕ САДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ж. ЛАКАНА

Иммануил Кант и маркиз де Сад – самая интересная и необычная пара в истории философии. Тезис французского психоаналитика Жака Лакана «Кант – это Сад», пожалуй, наиболее интригующее суждение современной этики.

Этика Канта; гедонизм де Сада; этика психоанализа

Y. O. AZAROVA

THE ETHICS OF IMMANUEL KANT AND MARQUIS DE SADE IN THE INTERPRETATION OF JACQUES LACAN

Immanuel Kant and the Marquis de Sade are the most extraordinary figures in the history of philosophy. The French psychoanalytic Jacques Lacan's dictum 'Kant is Sade' is undoubtedly the most intriguing doctrine of present day. Let's consider this idea in greater detail.

The ethics by Kant; hedonism by Marquis de Sade; the ethics of psychoanalysis

Иммануил Кант и маркиз де Сад – самая интересная и необычная пара в истории философии. Тезис французского психоаналитика Жака Лакана «Кант – это Сад», пожалуй, наиболее интригующее суждение современной этики. Почему Лакан вводит знак равенства между двумя противоположными фигурами? Это происходит потому, что Кант утаивает или скрывает то, о чем Сад говорит открыто и прямо.

Данный тезис Лакан впервые сформулировал в VII Семинаре по «Этике психоанализа» (1959–1960) [1], а затем детально развернул и обосновал в статье «Кант с Садом» (1963) [2]. Идея Лакана получила широкий резонанс в научных кругах. Она стала предметом острой полемики среди ведущих философов, писателей, психоаналитиков. Хотя связь Канта и Сада в интерпретации Лакана вызывает шок, она, тем не менее, четко и ясно артикулирована. В

доказательство Лакан приводит четыре важных аргумента. Во-первых, оба мыслителя проблематизируют общий вопрос (отношение между субъектом и моральным Законом), но решают его, конечно, по-разному.

Во-вторых, в своей этике они используют аналогичные критерии (универсализм, критика сентиментализма, ригоризм). Свою анти-мораль Сад создает по принципам морали Канта, но применяет их совершенно иначе. Поэтому смысл зла у Сада тот же, что и смысл добра у Канта.

В-третьих, оба философа тематизируют фигуру «законодателя» или «автора этического высказывания». У Канта она умозрительная, собирательная, абстрактная. У Сада, напротив, она физическая, телесная, конкретная. Однако по своим качествам две фигуры похожи: жесткие, циничные, практичные.

В-четвертых, оба исследователя предлагают близкие версии «объекта желания» (*object "a"*). Для них объект желания репрезентирует пустоту или нехватку. Объект желания – это фантом субъекта. Кант называет его иллюзией. Сад – фантазией. Их объединяет фиктивный статус.

Как известно, по мнению Канта, поступок человека морален только тогда, когда он опирается на долг и моральный Закон. Такой поступок свободен от любых вне-моральных побуждений (чувство, страсть, влечение). Этика Канта, – считает Лакан, – вполне логична, но она слишком сурова и аскетична. «Кант предлагает нам мораль, принципы которой отличаются неслыханной дотоле строгостью» [1. С. 102]. Это «мораль, открыто отказывающаяся от опоры на любой объект эмоциональной реакции, на то, что Кант называет “патологическим объектом” (*Pathologisches objekt*), т. е. объектом, вызывающим страстное к себе отношение» [1. С. 102].

Подвергая критике аскетизм Канта, Лакан обращается к гедонизму Сада. Свое кредо Сад постулирует так: «Примем за универсальную максиму нашего поведения право пользоваться другим человеком как инструментом своего удовольствия» [1. С. 105]. Другой человек – лишь средство, инструмент наслаждения. «Сад, – отмечает Лакан, – демонстрирует свою позицию очень последовательно» [1. С. 106]. Призывая к свободе нравов, раскрепощению

инстинктов и сексуальной революции, Сад «предоставляет либертену право свободно распоряжаться всеми женщинами без разбора и независимо от их согласия» [1. С. 105].

На первый взгляд, – продолжает Лакан, – этика Сада есть антипод этики Канта, который требует относиться к другому человеку как цели, а не как средству. Однако, на самом деле, этика Сада по своей жестокости не уступает этике Канта, который исключает из морального закона, чувство, дружбу, любовь, привязанность. «Если мы исключим из морали всякий элемент чувства, то полученный садистский мир окажется всего лишь возможным – пусть карикатурным, изнаночным – вариантом мира, руководимого радикальной этикой, которую в 1788 г. формулирует Кант» [1. С. 106]. Пренебрегая чувством ради рассудка и долга, Кант уподобляется Саду. Сравнивая «Критику практического разума» (1788) Канта и «Философию в будуаре» (1795) Сада, Лакан показывает их *реверсивное отношение друг к другу*. Каждый философ вводит *свою* максиму, считая ее исполнение *Законом*. «Это важная точка, где Сад представляет первый шаг *переворачивания* Канта» [2. С. 765].

Второй ключевой момент, на который Лакан обращает внимание, – критерий этики. Кант подчеркивает *универсальность* и *безусловность* своего категорического императива: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла послужить принципом законодательства, предназначенного для всех» [1. С. 103-104].

То же самое манифестирует Сад: «Я имею право наслаждаться твоим телом, и я буду пользоваться этим правом без каких-либо ограничений» [2, с. 769]. Для Сада нет никаких условий, обстоятельств или возражений. Есть только удовольствие и наслаждение. Здесь универсализм Сада подобен универсализму Канта. Долг Канта и наслаждение Сада – несмотря на их внешнюю противоположность – одинаково абсолютны и безусловны. Ориентируясь на долг или наслаждение, оба философа *исключают какое-либо условие* – страх, неприязнь, эмоцию или сентимент. Поэтому строгая мораль Канта и анти-мораль Сада базируются на общих принципах.

Параллельное прочтение Канта и Сада открывает еще один интересный нюанс. Тот, кто требует исполнения долга, сам никому не должен. Закон отрицает отношение «на равных» [2. С. 770]. Закон выражает себя способом, который «исключает взаимность» [2. С. 770]. Это *асимметрическое* отношение к другому человеку роднит этику Канта и Сада. Хотя Кант формально провозглашает уважение к другому человеку, его свободу и автономию, статус субъекта как цели-в-себе, реально Кант редуцирует всех других людей к малозначительным сущим, которые должны подчиняться моральному Закону. Сад поступает аналогично. «Либидозная структура» этики Сада (где субъект занимает позицию объекта – инструмента наслаждения) и «категорическая структура» этики Канта (где субъект – должник объекта, инструмент исполнения его воли) оказываются идентичными. Сопоставляя две структуры, Лакан заключает, что Кант – это Сад. Для Канта, долг – это Закон, который стоит выше человека. Субъект обязан исполнить долг, даже если считает его чуждым себе. Долг давит на человека, часто вызывая неприязнь и отвращение. Следовательно, – резюмирует Лакан, – «подлинный долг человека состоит в том, чтобы идти против этого императива» [1. С. 16].

Моральный Закон непристоен в той мере, в какой он требует от нас подчинения приказу. Мы подчиняемся ему потому, что это Закон, а не свободный выбор. Закон санкционирует насилие и принуждение. Непристойность морального Закона определяется его репрессивной природой.

Таким образом, *вторая точка*, где Сад *переворачивает* Канта, состоит в том, что Сад четко и ясно высказывает то, о чем молчит Кант, а именно – жестокость, которая *a priori* лежит в основе морального Закона. Сад открывает нам те импликации, которые Кант оставляет тайными.

В-третьих, анализ обеих доктрин показывает, что «максима Сада ничем не отличается от максимы Канта» [2. С. 780]. Однако «призыв Сада более искренен и откровенен, чем призыв Канта, т. к. Сад целиком обнажает внутренний раскол субъекта, который Кант изначально скрывает» [2. С. 780]. А значит, Сад – это истина Канта. Диспозиция Канта и Сада позволяет Лакану

выявить специфический зазор в этике Канта. Провозглашая категорический императив, Кант не ставит вопрос о том, кому принадлежит этическое высказывание? Данный вопрос, по Канту, бессмысленен, т. к. моральный Закон – это безличный приказ. Через обращение к Саду, Лакан находит имя тому, кто высказывает моральный Закон у Канта. В этике Сада – это «повелитель», в этике Канта – «господин». Соответственно, Лакан эксплицирует тесную связь между повелителем (или, иногда, палачом) у Сада и господином у Канта.

Таким образом, третья важная точка, где Сад переворачивает Канта, – это автор этического высказывания. Хотя у Канта данная фигура всегда анонимна, абстрактна и трансцендентна, а у Сада названа по имени, конкретна и эмпирична, они имеют одинаковую природу. Это – судья, ментор, палач.

В-четвертых, Лакан проницательно замечает, что этики Канта и Сада репрезентируют отсутствующий «объект желания» (*object “a”*). Кант целенаправленно «отказывается от опоры на любой объект» [1. С. 102]. «Объект желания всегда удерживается для него на расстоянии» [1. С. 101].

Подобно тому, как у Канта «моральный закон репрезентирует желание в ситуации, где объект отсутствует, так и у Сада наслаждение (*jouissance*) недостижимо в виде Вещи (*das Ding*)» [2. С. 780]. И там, и там «объект желания отсутствует», буквально, «не существует» [2. С. 780]. Одним словом, если в ситуации Канта «объект Закона всегда неуловим», то в случае Сада «объект желания всегда недостижим» [2. С. 780]. Поэтому их этика гомологична. Подвергая критике обе манифестации, Лакан стремится «установить новое отношение к *das Ding* по ту сторону Закона» [1. С. 112].

Таким образом, четвертая важная точка, где Сад переворачивает Канта, – это объект желания. Хотя *de jure* он присутствует, но *de facto* отсутствует. Это не-экзистентный (*non-existent*) объект. Он не существует как Вещь, но постоянно привлекает наше внимание. Его онтологический статус парадоксален. В целом, психоаналитическое прочтение этики Канта и Сада выявляет близость двух проектов. Изучая их базовые принципы и положения,

Лакан находит совпадение методов построения систем. Опираясь на эту аналогию, Лакан строго доказывает релевантность предпринятого сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа. – М.: Гнозис, 2006. – 416 с.
2. Lacan J. Kant avec Sade // Ecrits. – Paris: Seuil, 1966. – P. 765-790.

УДК 17.0

И. А. АПОЛЛОНОВ

г. Краснодар, КубГТУ

ЭТНИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ

(Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-26-20001 а(м) «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)»)

В статье рассмотрена этическая сторона этнического парадокса современности. Культурная граница рассматривается как область сопряжения универсальной формы и конкретно-исторического содержания морали.

Этнический парадокс современности; этнокультурная идентичность; категорический императив; мультикультурализм; культурная граница

I. A. APOLLONOV

THE ETHICAL PARADOX AND THE PROBLEM OF UNIVERSAL MORAL GROUNDINGS

The article considers the ethics of ethnic paradox of modernity. Cultural boundary is considered as an area of conjugation of the universal form and the particular content of morality.

Ethnic paradox of modernity; ethno-cultural identity; categorical imperative; multiculturalism; cultural border